

УДК 342.415(470 + 571)
ББК Х400.12(2)

А. Б. Каягин

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

A. B. Kayagin

CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SYSTEM OF SOCIAL VALUES

В статье рассматриваются основные теоретические позиции, отражающие значимость Конституции Российской Федерации в качестве самостоятельной социальной ценности. Обосновывается тезис о необходимости системного подхода к пониманию Основного закона в указанном качестве как основы эффективного становления российского конституционализма.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, конституционализм, государство, общество, конституционная ценность.

The article considers the basic theoretical positions which reflect the importance of the Constitution of the Russian Federation as an independent social value. The author proves the necessity of the systematic approach to understanding the Basic Law in mentioned characteristics as the basis for effective development of the Russian constitutionalism.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, constitutionalism, state, society, constitutional value.

Рассматривая социальные ценности, образующие одну из основ современного конституционализма, следует согласиться с тем, что ему присуще понимание ценностей в нескольких измерениях. Прежде всего, это относится к признанию ценности Конституции Российской Федерации как «юридического монодокумента», который устанавливает базисные аксиологические императивы государственно-организованного общества, а также ценностные основы и ориентиры правопорядка в отдельных сферах деятельности государства и общества¹.

Говоря о значимости Основного закона, многие авторы обоснованно связывают ее в первую очередь с тем, что Конституция представляет собой высшую универсальную форму легитимации российского государства с его конституционными параметрами и одновременно — правовую основу организации России в виде современного государства как политического сообщества народа под властью права. Таким образом, она является «системным юридическим выражением основных юридических ценностей, которые определяют лицо новой и исторически преемственной России»: верховенство права, неотчуждаемые права и свободы человека, демократическое

федеративное, правовое и социальное государство, суверенитет².

Являясь результатом кардинальной перемены модели дальнейшего развития российского государства, Конституция РФ воплотила в себе ряд качеств, обусловленных потребностями развития реального конституционализма. К ним относятся: сочетание гарантий государственной и экономической целостности России с разнообразными традициями ее многонационального народа; создание правовых предпосылок для оформления в России демократического конституционного строя, основанного на господстве права; обеспечение возможности рецепции ценностей и тенденций развития современной мировой цивилизации при учете своего исторического и культурного опыта; способность обеспечить сплочение общества на базе новых правовых ориентиров и принципов³. Таким образом, Конституция 1993 года стала выражением социального компромисса в расколоте общества, обозначив начало перехода от номинального конституционализма к реальному⁴.

Однако следует отметить, что не все конституционалисты связывают ценность Основного закона со свойством общественного компромисса. Так, С. М. Шахрай, являющийся одним из раз-

25

Конституция,
государство и общество





работчиков проекта Конституции, подчеркивает, что, во-первых, она включает в себе ряд идей и принципов, одинаково важных для всех граждан независимо от их политических взглядов. К таким идеям относятся признание высшей ценностью человека, его прав и свобод, политическая стабильность и территориальная целостность страны, социальный характер государства, выборность органов власти и местное самоуправление, уважение к культуре и традициям всех национальностей, составляющих многонациональный российский народ. Во-вторых, Конституция, представляющая собой очень лаконичный и в значительной мере процедурный документ, по объективным причинам не содержит ответы на все вопросы, возникающие в процессе государственно-политических преобразований; однако это компенсируется наличием в ее содержании правил и процедур, предназначенных для решения проблем, связанных с реформированием. В-третьих, что является наиболее важным, Конституция была создана как образ желаемого будущего, а не как фотографическое отображение ситуации, существовавшей на момент создания закона. Ее назначение заключалось в том, чтобы показать, какой станет Россия в случае реализации этой Конституции, что будут представлять из себя новая система государственной власти, новая модель федерализма, экономики, общественных отношений и т. д.⁵

Это утверждение представляется очень существенным для понимания не только буквального выражения, но и духа Конституции. Необходимо признать, что на современном этапе развития государства и общества отдельные конституционные нормы часто подвергаются критике в связи с их декларативным характером на основании того, что положения Основного закона не отражают реально существующих в государстве общественных отношений. В этом смысле следует осознавать, что Конституция Российской Федерации представляет собой документ программно-целевого характера, и выраженная в ней цель, представляющая собой идеальную модель будущего в настоящем, пронизывает содержание всей правовой материи, определяя содержание системы юридических норм и принципы правового регулирования во всех сферах общественных отношений. Таким образом, получая отражение в праве, цель оказывает стимулирующее, организующее, направляющее воздействие на деятельность всех субъектов права по ее практической реализации⁶.

Социальные ценности, отраженные в Конституции Российской Федерации, представляют собой, по утверждению Н.С. Бондаря, «качественные характеристики государственно-правовых явлений высшего порядка, связанные с осознанием обществом — через призму общедемократического опыта и национально-исторической практики — идей человеческого достоинства, добра и справедливости, фундаментальных целей и норм развития, наиболее целесообразных форм общественного и государственного устройства». Будучи закреплены на высшем уровне, они трансформируются в конституционные идеи-принципы и приобретают формально-юридическое выражение. Впоследствии, воспринимаясь отдельными субъектами общественных отношений, их группами и социумом в целом, эти феномены становятся элементом конституционного правосознания⁷.

Аналогичная точка зрения высказана Г. Б. Ройzmanом, который замечает, что принятие той или иной конституционной доктрины само по себе свидетельствует о признании государством и обществом системы определенных конституционно-правовых ценностей. Оно выражает воспринятые и осмысленные в общественном сознании представления об организации и развитии государства. Вопрос заключается в том, насколько данная система ценностей приобрела основополагающее значение на уровне государственной политики, в какой степени ее действие будет гарантировано в социальной практике и в какой мере гражданское общество готово следовать этой системе ценностей⁸.

Таким образом, значимость Конституции в общественном сознании, степень признания и готовности следовать ее идеям определяется ее способностью обеспечить максимальное соответствие реального государственного устройства и общественных отношений их конституционной модели; в то же время решение этой задачи возможно только в условиях высокоразвитого правосознания членов социума. Н. С. Бондарь обоснованно замечает, что конституционные ценности находятся в тесной эксплицитной и имплицитной связи с нормативной энергией Основного закона, являясь, с одной стороны, ее социально-правовым генератором, а с другой — регулятором фактически складывающихся аксиологических конституционных отношений. В первом случае это качество обусловлено тем, что конституционные ценности обеспечивают перевод правил социальной жизни, фактически признаваемых обществом в

качестве общезначимых и общепользуемых, в нормативное содержание конституционного текста. При этом, с момента приобретения ими свойства формально-юридической нормативности, они обязывают всех субъектов права, включая государство. В основе второго аспекта их действия лежит то обстоятельство, что конституционная формализация системы социально-правовых ценностей означает приобретение ими качества принудительного регулятора фактических общественных отношений, поскольку последние могут развиваться только при условии их «коррелирующего взаимодействия с формально закрепленными правилами и нормами». Таким образом, в случае, когда фактические социально-правовые ценности соответствуют нормативно установленным, их потенциал удваивается. Напротив, расхождение реальных ценностей с их нормативной моделью снижает доверие к Конституции, ее ценность в глазах общества и эффективность основанного на ее положениях правового регулирования⁹.

Созвучную точку зрения выражают в своих исследованиях и другие авторы. Так, Н. Н. Балагурова полагает, что Конституция Российской Федерации одновременно обладает двумя качествами, определяющими ее как самостоятельную ценность. Первое из них заключается в том, что Конституция служит важнейшим инструментом преобразования государства и общества посредством установления целевых ориентиров их развития, установления направлений реализации их программного потенциала. Одновременно содержание конституционных норм отражает достижение российским народом, как субъектом принятия Основного закона, того уровня правового развития, который необходим для осознания ценности демократических институтов. Оба эти качества взаимообусловлены в силу того, что восприятие социумом программных конституционных положений, с одной стороны, зависит от степени «материализации» этих установок, а с другой — определяет эффективность их реализации¹⁰.

Анализируя становление и развитие российского конституционализма, нельзя не отметить, что аксиологическая значимость Конституции Российской Федерации определяется и ее интегрирующим воздействием на общество. Так, В. Д. Зорькин подчеркивает то обстоятельство, что на протяжении первого десятилетия действия Основного закона наиболее опасную угрозу представляла

собой реальная опасность развала страны. В отличие от других негативных явлений — дефолта, нарастания социального неравенства и иных социальных пороков в виде преступности, коррупции, иных социальных кризисов и асоциальных явлений — преодолеть эту угрозу невозможно, и предотвращение полного распада российского государства стало осуществимым благодаря опоре на действующую Конституцию¹¹.

По мнению Т. Я. Хабриевой, ценность Конституции определяется и ее доктринальным значением. При этом, с точки зрения ученой, объем понятия «конституционная доктрина» может существенным образом различаться. Так, в контексте конкретных практик конституционного строительства оно включает совокупность результатов научных исследований, содержащих представления о деятельности государственных органов и получивших впоследствии правовое оформление, в том числе и в формулировках конституций. Однако такая доктрина не является единственно возможным научным базисом конституционного моделирования развития государства. Это связано с тем, что лаконичные формулировки норм Основного закона сами по себе становятся «отправной точкой» научной разработки, направленной на отражение сущности исследуемого явления и потребности конституционного регулирования. В ряде случаев результат такой деятельности, оформленный в виде юридического выражения краткого тезиса и обладающий научным авторитетом и обязывающим характером, «пронизывает конституционное и иное правовое регулирование данного вида отношений». Такими свойствами обладают, в частности, выступления высших должностных лиц государства, имеющие программный характер и получающие развитие и конкретизацию в законодательстве, решениях органов конституционного контроля, доктринальном и официальном толковании¹².

Н. С. Бондарь, характеризуя сущность Конституции Российской Федерации, обоснованно замечает, что такая характеристика предполагает анализ и уяснение ее роли не только в качестве Основного закона государства, но и в качестве нормативного базиса, «политико-правового ядра высшей формы правового сознания». В этом контексте ученый подчеркивает значимость конституционного мировоззрения, предлагая понимать под ним «систему принципов, взглядов, ценностей, идеалов и убеждений, определяющих отношение личности,



социальных групп, общества в целом к государственно-правовой действительности, их понимание конституционных начал демократической организации общества и государства, правовых механизмов обеспечения свободы личности, равно как и формирование у соответствующих субъектов конституционных установок и представлений по поводу перспектив социально-правового развития в соответствии с ценностями современного конституционализма»¹³.

Таким образом, Конституции Российской Федерации принадлежит приоритет в выражении ценностных установок современного государства и общества. В связи с этим В. Е. Чиркин обоснованно замечает, что современные конституции воспринимают общечеловеческие ценности прошлого, поднимают их на новый уровень и формулируют новые приоритеты. Во многих случаях они представляют собой не реалии, а программы, требующие дальнейшего развития¹⁴. Такое развитие, осуществляемое посредством формулирования на базе указанных положений конституционных идей, направлено на становление конституционализма, состояние которого как раз и определяется уровнем фактической реализации конституционной модели как своеобразной «идеальной формулы» деятельности государства и общества. Эта взаимосвязь удачно подчеркнута М. В. Баглаем, который замечает, что «если конституцию можно рассматривать как сумму самых лучших идей, положенных на бумагу, то конституционализм — это нечто большее: это жизнь Конституции, реальность, которая может быть и не лучшей»¹⁵.

Необходимо отметить, что несовпадение идеальной модели и реального конституционализма не является признаком, присущим исключительно Конституции России. По мнению исследователей, эта черта — расхождение конституционных норм с практикой их применения — присуща конституциям в целом, причем степень такого расхождения достаточно велика. В. И. Лафитский связывает это с тем, что судебное толкование и текущее законодательство, направленные на конкретизацию конституционных положений, могут исказить их первоначальное значение. Кроме того, на действие указанных

положений оказывают влияние постоянно меняющиеся факторы политического, социального и идеологического характера. Впрочем, заключает ученый, от конституций и нельзя ожидать зеркального отражения политической системы, поскольку они «не могут охватить ее во всем многообразии ее структурных и функциональных характеристик. В лучшем случае они ограничиваются закреплением ее “несущих конструкций” — основных институтов и принципов их функционирования, иными словами, основ конституционного строя»¹⁶.

Однако, признавая известную справедливость этого утверждения, необходимо заметить, что оно не означает несостоятельности Конституции Российской Федерации как самостоятельной и глобальной национальной ценности. Представляется, что глубоко прав В. И. Крусс, подчеркивая разрушительность научно-правовых подходов и суждений, которые выражаются в представлении Конституции РФ в качестве символической фигуры, ссылки на которую полезны и необходимы, но которую не следует «воспринимать всерьез в контексте влияния на актуальные отношения, приоритеты, обретения и судьбы их участников». По мнению ученого, восприятие Конституции РФ возможно только во всей полноте ее типологических качеств, свойств и функций¹⁷.

Таким образом, лишь системный подход способен обеспечить понимание и восприятие Конституции Российской Федерации в качестве одной из важнейших социальных ценностей. Ее значимость заключается в том, что она устанавливает фундаментальные основы государственного строя, права человека и корреспондирующие им обязанности государства; обеспечивает политическое единство народа при сохранении идеологического и политического многообразия; определяет аксиологическую композицию государства и общества и порядок государственной защиты основных ценностей; выступает в качестве глобального фактора интеграции и консолидации общества и, таким образом, создает все необходимые предпосылки, условия и гарантии эффективного развития российского конституционализма.

Примечания

1. Бондарь Н. С. Буква и дух российской Конституции: 20-летний опыт гармонизации в свете конституционного правосудия // Журнал российского права. — 2013. — № 11.

2. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. — М. : Эксмо, 2010. — С. 4—6.
3. Демидов В. Н. Конституция РФ и единство конституционно-правового пространства Российской Федерации // Журнал российского права. — 2009. — № 6.
4. Витрук Н. В. О социально-правовой сущности и легитимности Конституции Российской Федерации 1993 года // Российское правосудие. — 2008. — № 2. — С. 10.
5. Интервью с С. М. Шахраем, заслуженным юристом РФ, доктором юридических наук, профессором // Законодательство. — 2008. — № 12.
6. Насырова (Хабриева) Т. Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона. — Казань, 1988. — С. 13—27.
7. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. — М. : Норма; Инфра-М, 2011. — С. 170.
8. Ройzman Г. Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2012. — С. 40.
9. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России... — С. 170—171.
10. Балагурова Н. Н. Действие Конституции Российской Федерации: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2012. — С. 32.
11. Зорькин В. Д. Об угрозах конституционному строю в XXI веке и необходимости проведения правовой реформы в России // Журнал российского права. — 2004. — № 6.
12. Хабриева Т. Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. — 2009. — № 2.
13. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России... — С. 72.
14. Чиркин В. Е. Современная модель конституции: прежние и новые приоритеты // Правоведение. — 2003. — № 2. — С. 57.
15. Баглай М. В. Конституционализм и политическая система современной России // Журнал российского права. — 2003. — № 11. — С. 10.
16. Лафитский В. Конституционный строй США. — М. : Статут, 2011. — С. 349—350.
17. Крусс В. И. Современная национальная конституция и наука права // Конституция, конституционализм, конституционализация правовых систем: актуальное соотношение понятий и трендов : сб. мат-лов по итогам научно-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции РФ, Тверь, 17—18 мая 2013 года / под общ. ред. профессора В. И. Крусса. — Тверь : Твер. гос. ун-т, 2013. — С. 160—170.

References

1. Baglaj M.V. Konstitucionalizm i politicheskaja sistema sovremennoj Rossii [Constitutionalism and politica system in modern Russia]// Zhurnal rossijskogo prava [Journal of the Russian Law]. 2003. No. 11. p. 10-19.
2. Balagurova N.N. Dejstvje Konstitucii Rossijskoj Federacii: teoretiko-pravovoe issledovanie: Dis. ...kand. jurid. nauk [Validity of the Constitution of the Russian Federation: Theoretical and legal research. Thesis of Cand. Sc. Law]. Cheljabinsk, 2012.
3. Bondar' N.S. Bukva i duh rossijskoj Konstitucii: 20-letnij opyt garmonizacii v svete konstitucionnogo pravosudija [The letter and the spirit of the Russian Constitution: 20 years of experience of harmonization in the light of constitutional justice]// Zhurnal rossijskogo prava [Journal of the Russian Law]. 2013. No. 11.
4. Bondar' N.S. Sudebnyj konstitucionalizm v Rossii v svete konstitucionnogo pravosudija [Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice]. Moscow: Norma; INFRA-M, 2011. 544 p.
5. Vitruk N.V. O social'no-pravovoj sushhnosti i legitimnosti Konstitucii Rossijskoj Federacii 1993 goda [On the social and legal essence and legitimacy of the Constitution of the Russian Federation of the year 1993]// Rossijskoe pravosudie [Russian Justice]. 2008. No. 2. p. 4-12.
6. Demidov V.N. Konstitucija RF i edinstvo konstitucionno-pravovogo prostranstva Rossijskoj Federacii [Constitution of the Russian Federation and the unity of constitutional and legal space of the Russian Federation]// Zhurnal rossijskogo prava [Journal of the Russian Law]. 2009. No. 6. p. 14-23.
7. Zor'kin V.D. Ob ugrozah konstitucionnomu stroju v XXI veke i neobhodimosti provedenija pravovoj reformy v Rossii [On the threat to the constitutional order in the 21st century and the necessity of the legal reform in Russia]// Zhurnal rossijskogo prava [Journal of the Russian Law]. 2004. No. 6. p. 3-17.
8. Interv'ju s S.M. Shahraem, zasluzhennym juristom RF, doktorom juridicheskikh nauk, professorom [Interview with S.M. Shahrja, an honoured jurist of the Russian Federation, PhD, professor]// Zakonodatel'stvo [Legislation]. 2008. No. 12.
9. Kommentarii k Konstitucii Rossijskoj Federacii (pod red. V.D. Zor'kina, L.V. Lazareva) [Commentaries to the Constitution of the Russian Federation (under the editorship of V.D. Zorkin and L.V. Lazarev)]. Moscow: «Jeksmo», 2010.
10. Kruss V.I. Sovremennaja nacional'naja konstitucija i nauka prava [Modern national Constitution and science of law]// Konstitucija, konstitucionalizm, konstituci-



- onalizacija pravovyh sistem: aktual'noe sootnoshenie ponjatij i trendov [Constitution, constitutionalism, constitutionalization of legal systems: Current correlation of notions and trends]/ sb. materialov po itogam nauchno-prakt. konf., posvjashhennoj 20-letiju Konstitucii RF, Tver', 17-18 maja 2013 goda [Collection of papers from the scientific and practical conference devoted to the 20-year jubilee of the Constitution of the Russian Federation]/ pod obshhej redakciej professora V.I. Krussa [Under the general editorship of professor V.I. Kruss]. – Tver: Tver. gos. un-t, 2013.
11. Lafitskij V. Konstitucionnyj stroj SShA [Constitutional order of the USA]. Moscow, Statut. 2011. 351 p.
12. Nasyrova (Habrieva) T.Y. Teleologicheskoe (celevoe) tolkovanie sovetskogo zakona [Teleological interpretation of the Soviet Law]. Kazan, 1988. p. 13-27.
13. Rojzman G.B. Cennosti v konstitucionnom prave Rossijskoj Federacii: Dis. ... kand. jurid. nauk [Values in constitutional law of the Russian Federation. Thesis of Cand. Sc. Law]. Cheljabinsk, 2012.
14. Habrieva T.Y. Doktrinal'noe znachenie rossijskoj Konstitucii [Doctrinal value of the Russian Constitution] // Zhurnal rossijskogo prava [Journal of the Russian Law]. 2009. No. 2. p. 34-38.
15. Chirkin V.E. Sovremennaja model' konstitucii: prezhnie i novye priority [Modern model of the Constitution: Older and new priorities]// Pravovedenie [Legal Science]. 2003. No. 2 (247). p. 52-57.

КАЯГИН Андрей Борисович, директор Троицкого филиала Челябинского государственного университета, заведующий кафедрой права, кандидат юридических наук, доцент E-mail: kayagin_ab@mail.ru

KAYAGIN Andrey Borisovich, chief of the Troitsk branch of Chelyabinsk State University, chairholder of the Department of Law, Cand. Sc. Law, associate professor. E-mail: kayagin_ab@mail.ru

